

- Когда умер Шукшин?
- Сколько ему было лет?
- Почему он так рано умер?
- А правда, что он умер не своей смертью?

Такие или примерно такие вопросы задают посетители музея В. М. Шукшина в Сростках наряду с вопросами о его жизни, творчестве, жёнах, детях, родственниках...

С жёнами, детьми и родственниками разобрались давно. Объяснить – труда не составляет особого.

Творчество? Ответ тоже может быть коротким: “Читайте Шукшина. У него есть ответы на все эти и много других вопросов”.

А вот как быть с вопросом: “Почему он так рано умер?” Правда, почему? Тем более что за последние годы появились публикации, в которых высказаны различные предположения людей, близких и не очень близких Шукшину, по поводу причин его смерти...

Не берусь вести судебное расследование. Нет! Конечно, нет!

А вот – литературное (или назовите, как угодно) – провести, я думаю, необходимо.

Может быть, в этих вопросах (если их задают люди думающие, взрослые) не столько простое человеческое любопытство, сколько непреходящая горечь утраты и необходимость присутствия В. М. Шукшина в нашей жизни, настоящей, теперешней?! Как надежда на то, что “заступник найдётся”? Может и такое быть. Пишут ведь в Книгах отзывов музея, называя В. Шукшина “Совестью русского народа”, “Гордостью России”, “Истинным Сыном земли Русской”... Много таких исповедальных слов можно прочитать.

Но... Давайте не будем гадать и мудрствовать, а обратимся с этим вопросом – почему так рано ушёл из жизни? – к самому Шукшину.

Он знает об этом лучше других. Говорил об этом, писал...

Только тогда его не слышали, не хотелось слышать, а может, не умеем мы услышать и понять друг друга... Понимание приходит позднее...

Давайте вспомним кое-какие факты биографии писателя.

Год 1933-й... Арест отца... Страх и безысходность матери... Решение её уйти из жизни вместе с детьми... Случай спас, соседка постучалась...

Учёба в автомобильном техникуме города Бийска пришлось в жизни Василия Попова (так он неофициально был записан в школе и техникуме) на последний военный и первый послевоенный годы...

А какие они были, не знает только тот, кто не хочет знать.

Полуголодные, полураздетые пацаны добирались до дома пешком по тридцать километров зимой полями (чтобы сократить путь до дома), где часто рыскали голодные и обнаглевшие за годы войны волки. И опять **Кто-то** помог... Смогли выйти к посёлку, поджигая пучки соломы и отпугивая огнём зверьё... Не судьба? Или – судьба?

1947-й – не легче. Отъезд из дома в “никуда”. Почему, зачем?

И это было для Василия, теперь уже Шукшина, таким суровым испытанием и такой школой жизни, о которой он не мог поведать даже близким людям. На вопрос сестры Натальи (“Тая” – звали её в семье) в одном из писем уже во время службы в армии Шукшин отвечает:

“В отношении нашего старого: милая моя, не могу удовлетворить твоей просьбы... Прошедшую жизнь рассказать тоже не могу. Однажды я поклялся никому и никогда не рассказывать о себе. Смотри, я даже матери ничего не говорю. А знаешь, как это трудно. Она, бедная, уж и не спрашивает теперь...”

О чём он не хотел вспоминать и рассказывать даже самым близким людям, матери в том числе? Хотя с ней иногда был предельно откровенен. Очень нелегко и небезопасно, похоже, было Шукшину в те лихие сороковые... Вдали от дома, от родных людей, друзей, родных мест...

Уникальным в смысле пророчеств, прямо скажем, можно считать письмо сестре от 1961 года, написанное после смерти её мужа Александра Зиновьева. Вот отдельные строки известного многим письма:

“Мы все где-то ищем спасения. Твоё спасение в детях. Мне – в славе. Я её, славу, упорно ищу добиваюсь. Я добыюсь её, если не умру раньше.

Родные мои. Скоро у меня будут деньги (тьфу! тьфу! тьфу!) – я думаю, что мы заживём в одном смысле хорошо, а в другом...

А в другом – всё на твоём сердце: сумеет – вынесет, не сумеет – крах”.

Это же Программа всей последующей жизни В. Шукшина... И эта Программа им выполнена почти полностью. Всё случилось именно так – “всё на сердце”. Иначе он не мог, знал – как, но не хотел иначе.

В этом же письме две, взаимоисключающие друг друга мысли:

“Живые должны жить. Ведь это правда: мёртвых на земле больше, чем живых. И если нам подчиниться закону мёртвых, то надо складывать руки и спокойно уходить из жизни. Но живые диктуют нам свой закон – живи!”

Это жизнеутверждающее настроение сменяется прямо противоположным состоянием:

“Признаюсь тебе: я завидовал Саше. Я хочу, чтобы меня тоже похоронили на нашей горе и чтоб вид оттуда открывался широкий и красивый...”

Я хочу, чтобы меня похоронили так же по-русски, с отпеванием, с причитаниями – и чтоб была моя мама и ты с ребяташками”.

А ведь вымолил у судьбы или ещё у Кого-то... И состоялось всё, как будто написал сценарий своей дальнейшей жизни. Василию Макарович панически боялся смерти матери. Неоднократно говорил об этом сестре.

И слава пришла, и всенародное признание, и мировая известность...

И, что самое страшное для матери, ей сына пришлось хоронить, только не на родной горе, а на чужой стороне...

До этих скорбных дней тогда, в 1961-м, оставалось тринадцать лет, которые пронесли так стремительно...

В письме Василия Белова, адресованном: “Крым. Судак. Морагентство. Киноэкспедиция “Мальчик у моря”. Василию Шукшину” (а это было в 1964 году. Шукшин тогда на Одесской киностудии снимался вместе с Лидией Федосеевой. Фильм вышел под названием “Какое оно, море?” – Г. У.), читаем такие строчки: “...Белов Вас. Ив... Это который понимает тебя, может, чуточку больше, чем кто-либо другой. Я очень по тебе скучаю, это не сентиментальность, ей-богу, скучаю по большому счёту... Ну, ладно. Обнимаю, поздравляю с Золотым Львом. Когда “Парень” на экран выйдет? В Вологде ждут его с нетерпением... (Речь о фильме “Живёт такой парень”, который на фестивале в Венеции был удостоен приза “Золотой Лев Святого Марка”. – Г. У.)

Твоих “Коней...” прочитал залпом. Такое уж совпадение, в “Нашем совр.” номер шестой у меня тоже были “Кони”... (Рассказ Шукшина “И разыгрались же

кони в поле”, а у Белова — “Кони”. — Г. У.). Вообще лошади — это вещь! Все мы немножко лошади, а народ наш — не немножко...”

И уже в том же письме, а ведь это в самом начале возникшей дружбы, звучат как предостережение слова друга:

“Бросай киношку, ты же писатель... Береги силы свои, ради Бога. Не слушай никого, только пиши, пиши, пиши. Я не менторствую. Я глубоко убеждён в том, что первооснова всего — литература. А жизнь нас не ждёт, идёт в одну сторону”.

Беспокойство Белова за здоровье Шукшина было, видно, небезосновательным. Он хорошо понимал, в какую жизнь, в какую московскую мясорубку попал его собрат по перу и по убеждениям... И оказался абсолютно прав.

В письме 1966 года Василий Шукшин пишет своему вологодскому другу: “Милый Белович!... И теперь вот грустно сделалось. Этак, глядишь, и вся жизнь — бочком-бочком — прошлёпает...”

Я отдал сценарий читать по кругу и сижу весь пустой до звона. Жду. Очень противное состояние. А ещё грипп меня повалил 1,5 недели, совсем скис, и присосалась ко мне мысль о смерти (во!).

Нет, просто вдруг задумался на эту “тему”. Тьфу, гадко! Когда-нибудь, может быть, не будет гадко, а теперь ещё гадко. Прямо молился: только не сейчас, дай сделать что-нибудь...”

Откуда такие мысли у Шукшина? Ведь не при смерти же был.

Грипп для него, думается, серьёзной болезнью не был. Почему же такое состояние, на грани срыва? “Пустой до звона”. Выложился полностью на сценарии о Разине? Хорошо знал Ф. Достоевского и помнил мудрые слова классика о том, что если человек прожил день и ни разу не подумал о смерти, этот день прожит впустую? А может быть, что-то гораздо большее, что даже сам Шукшин объяснить не мог... Дар видеть и предвидеть гораздо больше, а главное — глубже, в глубину веков и в далёкое будущее?!

В очередном письме примерно того же периода Шукшин сообщает:

“...Здоровье ничего. А пить бросил. (Побожился. Не надо). В больнице хорошо думается. Вот что я придумал: надо всё снова. Надо садиться и начинать работать. Какие у меня книжки есть по всякой по истории, Вася! Что мы делаем. Примазали русскому мужику — “пьяница”... Вот приехай, я тебе всё расскажу. Писать длинно...”

...Господи, знаем жизнь, а хреновиной занимаемся. Но это ничего, это мы всё дань платили”.

Большой груз на свои плечи взвалил Василий Шукшин — вступил в неравную борьбу за мужика, за человека, за Народ наш. И даже в письме сестре, говоря о Народе, он пишет это слово с большой буквы.

Ещё одно, не менее важное, откровение находим мы в письме к Белову:

“...Был тут у меня один разговор с этими...”

Про нас с тобой говорят: что у нас это эпизод. Что мы взлетели на волне, а дальше у нас не хватит культуры, что мы так и останемся свидетелями в рамках прожитой нами жизни, не больше. Особенно доставалось мне: “Завелись три лишние бумажки в кармане — пропить их!”

А тут сидишь и думаешь про целую жизнь... И до того додумаешься, что и — в магазин. Неужели так, Вася? Неужели они правы? Нет, надо их как-то... “Стеньку” написал. Отдал — судят...”

Не называет Шукшин тех, с кем состоялся разговор, да и не один, видимо, раз слышал он такое в свой адрес. Не назвал, потому что был очень “тактичным человеком. Не хотел никого обидеть”. Так утверждает и по сей день Ирина Александровна Сергиевская, бывшая редактором фильма “Калина красная” и утверждённая в этой должности по просьбе Шукшина на его будущий фильм о Разине. (Ныне она является Президентом гильдии редакторов Союза кинематографистов России).

Пространные комментарии к этому письму не требуются. Разве что вопрос: “Где же вы, лжепророки? В “рамках” какой жизни остались вы?”

Или после смерти В. Шукшина превратились в лжесвидетелей и яростно сучили ножками и били себя кулаками в грудь, утверждая, как “близки” были к нему и “поддерживали” в трудные минуты?

То, что дружба двух писателей, двух Василиев “случайной не была”, по убеждению Белова, — это неоспоримый факт. А Шукшин в одном из писем

скажет другу, что судьба его такая же. С этим тоже трудно спорить. Ковровых дорожек “деревенщикам” никто не расстилал.

И об этом тоже мы узнаём из переписки.

“Вася, дорогой мой! — обращается к Белову Шукшин. — Я очень неуместно выскочил там с бодряческим тоном (откуда что взялось!), так что пропусти эту бодрость, ей, видно, вообще нет места в жизни: как где вылетишь, так самому потом совестно.

... Позвонили сейчас из “Современника” — повесть не берут. В течение года ничего острого не будем давать...

Нет, какой-то Новый этап наступает, несомненно. “Ничего-о, — думаю, — это ещё не конец. Буду писать и складывать”... Не падай духом, Вася, это много, это всё. Много не сделаем, но СВОЁ — сделаем, тут тоже природа (или кто-то) должны помочь.

... Вот же б... хворь — это уже стало угнетать: я же так ни черта не сделаю! Так охота работать!..

Одно знаю — работать. А уж там, как Бог хочет...

... Давай, как встретимся, поклянёмся на иконе из твоего дома: я брошу курить, а ты — вино пить. С куревом у меня худо: ноги стали болеть — это, говорят умные доктора, на пять лет, а там — отпиливать по одной...”

Нет, не случайно Белов обеспокоен здоровьем друга. Не случайно.

Потому во многих письмах звучат призывы:

“Лечись терпеливо и меньше думай. Хотя бы пока”. Или в письме из Тимоники в Москву: “... Потому что люблю тебя очень, а ещё больше верю в твою звезду”.

“Послушай, без булды тебе говорю: твои дубли “Братанов” изумительны. (Это о фильме “Ваш сын и брат”, по всей вероятности. — Г. У.) — Я до сих пор под впечатлением от них, ради Бога, доделывай поскорее, это будет событие. Так близко мне всё это, и вся стихия, и мысли, и настрой. Давай, ради Христа, трудись, спасенье наше только в работе. Да и ничего нет надёжнее, радостнее работы”.

Практически одновременно писатели оказываются в аналогичной ситуации, когда, по словам Белова, “все гайки опять затянуты до предела”. “Современник” отказывается печатать Шукшина, Архангельск — Белова. И он сетует другу: “В Архангельске у меня, например, зарубили книжку, говорят: пессимизму много. А какой там, к бесу, пессимизм!”

Интересен обмен письмами в феврале 1974 года. Интересен, глубок и многое объясняет.

И в творчестве, и в быту у писателей поразительное сходство.

В письме В. Белова читаем:

“... У меня вон тоже всё болит. И дела худы — семейные. Душа выболела за братьев и сестёр, и за маму. Ездил в Пермь, думал, хоть что-то улажу. С младшим. А что я мог? Жена продаёт и предаёт его, он пьёт. Развелась, но он не может уйти от неё из-за сына. А может, и любит такую? Старший — тот крепче, но в свои 45 лет выглядит стариком. Жизнь до сих пор крутит и вертит нами всеми, кругом горе. А так хочется покоя, чтобы писать, делать дело! Столько набросков, задумок! Ну, ладно. Извини, я распустил нюни...” В этом же письме он настоятельно твердит другу:

“... Но главное — лечись. Успокойся. Расслабься. Наберись юмору. Заживи язву. Кури поменьше. Больше ешь и спи. Здоровье мы не берегли, но ещё поскрипим. И сделаем кое-что ещё. Глубоко в это верю...” Шукшин отвечает таким же откровенным письмом:

“... Вась, не мне учить тебя, но... как-нибудь выгороди в душе участочек покоя для работы. Я про своих родных и думать-то, и рассказывать боюсь: дядя из тюрьмы не вылезает, брат двоюродный — рецидивист, в строгом смысле этого слова, другой — допился, развёлся с женой, поделил и дом, свою половину он пропил, теперь — или петля, или тюрьма, сестра родная так вдовой и живёт с 27 лет... (На самом деле — с 30 лет. Шукшин немного ошибся. — Г. У.).

Непролазно, Вася, черно. Как же быть?! Как быть-то?!!

Одно знаю — работать. А уж там, как Бог хочет”.

И оба действительно работали, не щадя сил и живота своего.

Умели дать друг другу дельные советы, высказать опасение, одним словом, были предельно откровенны и честны друг перед другом.

В том же февральском письме Белов делает прекрасный анализ фильма “Калина красная”:

“А пока поздравляю тебя. Боялся я твоей слабости по отношению к блатным. Но образ (вернее, весь фильм) получился шире, хитрее, — видно, знал ты, чего делал.

В двух-трёх местах (например, “Народ для разврата собрался!”) меня слегка покорило. Но это, видать, спешка, нервозность, горячка...

А так фильм грандиозный. Обнимаю, радуюсь. Поплакал я втихаря. Такой горечи и такой боли ещё не было в нашем кино. Молю Бога, чтобы фильм поскорее пришёл к людям...

Документальные кадры хороши, да всё-таки сам ты лучше. Лида (Федосеева. — Г. У.) сработала не худо и Толя (Заболоцкий, оператор. — Г. У.) молдчага. Словом — удача и победа”.

И опять — предостережение, опасение за здоровье друга:

“Но, ради Бога, только не надорвись физически, не выдохнись”.

В очередном письме в Вологду Шукшин вновь признаётся другу:

“... Работать охота, а никак не могу найти места — где?

Рад бесконечно — знают тут тебя в Москве, и широко. Я тоже хочу, как ты, перехитрить всех”.

В ответ Шукшин получает письмо в июле 1974 года:

“... Зло берёт на глупость и подлость. Приехал в Вологду, звоню в Москву, туда, сюда. Нигде ничего! Всё время натякаюсь на какую-то невидимую, мягкую, но непробиваемую стенку. Издательство молчит. Викулов молчит. Соловьёв — ни звука... Чёрт, ничего не хочется делать.

Лида говорит, что Разина запустили. Слава Богу, и поздравляю! Но что будет с твоей прозой? Думаю об этом с тревогой. Это всё равно, что плыть по Катюни на двух брёвнах. Одна нога — на одном, другая — на другом. Хорошо ещё, что ты можешь быстро переключаться. Но запомни: при переключении движок молотит впустую и падает скорость. (Это уже из моей шофёрской практики). Дай Бог тебе здоровья, и не перехитри сам себя!”

Вот и подошли мы к самому главному в творчестве В. М. Шукшина — к образу Степана Разина. Только ли в творчестве? Похоже, что Разин не покидал Шукшина, жил в нём... По крайней мере, он сам неоднократно признавался родной сестре, говоря: “Я — Разин”. А на её возражения, что тот — бунтарь, отвечал: “Я и есть бунтарь”. Позднее сестра понимает “бунт” брата. Против чего и кого он был направлен.

Бесстыдство, глупость и ложь — вот что стало захватывать сознание русского общества.

“Ложь, ложь, ложь... Ложь — во спасение, ложь — во искупление вины, ложь — достижение цели, ложь — карьера, благополучие, ордена, квартира... Ложь! Вся Россия покрылась ложью, как коростой”.

Это написано В. Шукшиным в 1969 году... Чуть позднее, в тысяча девятьсот семидесятом, — пророческие слова: “Разлад на Руси, большой разлад. Сердцем чую”.

В интервью газете “Молодёжь Алтая” в конце 1966 года Шукшин признавался: “Меня давно привлекал образ русского национального героя Степана Разина, овеянный народными легендами и преданиями. Последнее время я отдал немало сил и труда знакомству с архивными документами, посвящёнными восстанию Разина, причинам его поражения, страницам сложной и во многом противоречивой жизни Степана. Я поставил перед собой задачу: воссоздать образ Разина таким, каким он был на самом деле...”

... Каким я вижу Разина на экране? По сохранившимся документам и отзывам свидетелей представляю его умным и одарённым — недаром он был посланцем Войска Донского. Вместе с тем поражают противоречия в его характере...

На мой взгляд, трагедия Разина заключается в том, что у него не было твёрдой веры в силы восставших.

Мне хочется в новом фильме отразить минувшие события достоверно и реалистично, быть верным во всём — в большом и малом. Если позволит здоровье и силы, надеюсь сам сыграть в фильме Степана Разина”. А ведь это был 1966 год!!! И такие мысли о здоровье... Почему? Откуда? Что мучает и беспокоит его?!!

Тогда же, в 1966-м, В. М. Шукшин писал в “Автобиографии”: “Сейчас работаю над образом Степана Разина. Это будет фильм. Если будет. Трудно

и страшно... Гениальное произведение у Стеньке Разине создал господин Народ — песни, предания, легенды. С таким автором не поспоришь. Но не делать тоже не могу. Буду делать”.

“Замысел сценария о Разине у меня возник очень давно. Работа была желанная. А радости она доставляла мало. Пока я писал сценарий, надо мной всё время топором висело законное требование — писать так, чтобы всё было видно... От этой работы осталось тягостное чувство. Я видел будущую картину, видел её между строк. И всё-таки я начал писать роман — это было необходимо для художественного осмысления материала. Именно в романе нашла своё законченное выражение та идея, ради которой было задумано всё произведение: трагедия Разина — это часть всенародной трагедии”.

В статье “Написано о Разине много” Шукшин скажет:

“Он — национальный герой, и об этом, как ни странно, надо “забыть”. Надо освободиться от “колдовского” щемящего взгляда его, который страшит и манит через века. Надо по возможности суметь “отнять” у него прекрасные легенды и оставить человека. Народ не утратит Героя, легенды будут жить, а Степан станет ближе.

Натура он сложная, во многом противоречивая, необузданная, размашистая. Другого быть не могло. И вместе с тем — человек осторожный, хитрый, умный дипломат, крайне любознательный и предприимчивый...

Ему нужна была сила, он собирал её, поднимал и вёл. Он был жесток, не щадил врагов и предателей, но он и ласков был, когда надо было. Если он мстил (есть версия — за брата Ивана), то мстил широко и страшно, и он был истый борец за Свободу и предводитель умный и дальновидный”.

Домысел Шукшина о Степане, что, “задумав главное (вверх, на Москву), ему и Персия понадобилась... Повести за собой казаков, мужиков, стрельцов должен был свой, батюшка, удачливый, которого “пуля не берёт”. Он стал таким”. Это, пожалуй, точное определение и проникновение в образ Разина.

“Он весь тут, Степан: его нечеловеческая сила и трагичность, его отчаяние и непоколебимая убежденность, что “тряхнуть Москву” надо.

Если бы им двигали только честолюбивые гордые помыслы и кровная месть, его не хватило бы ни до Симбирска, ни до Москвы. Его не хватило бы до лобного места. Он знал, на что он шёл. Он не обманывался. Иногда только обманывал во имя святого дела Свободы, которую он хотел утвердить на Руси”.

В статье “Заступник найдётся” В. Шукшин даёт ещё более конкретную оценку своему герою, объективную.

“Конечно, Разин был не агнец с цветком в руке, рука его держала оружие и несла смерть. Но и мы с той поры крепко запомнили: заступник найдётся! Предводитель сыщется. И пусть он будет крепким”.

Герой казнён, но он “не опрокинут нравственно, не раздавлен, что есть историческая правда. В народной памяти Разин — заступник обиженных и обездоленных, фигура яростная и прекрасная — с этим бессмысленно и безнадежно спорить...”

Память народа разборчива и безошибочна...”

Разин близок и понятен Шукшину, он, действительно, в нём живёт.

Подтверждением тому строки, написанные о себе:

“Но я знал, вперёд знал, что подкараулю в жизни момент, когда... ну, окажусь более состоятельным, а они со своими бесконечными заявлениями об искусстве окажутся несостоятельными”.

Это как раз о тех критиках, которые считали, что Шукшин и другие писатели “деревенщики” останутся “в рамках своего времени”.

Он признаётся:

“Всё время я хоронил в себе от посторонних глаз неизвестного человека, какого-то тайного бойца, нерасшифрованного...”

Не к такой ли мысли приходят известные писатели — современники Шукшина, говоря о том, что он до сих пор остаётся писателем “зашифрованным”. А он сам об этом поведал, при жизни. Успел сказать о себе и о нас гораздо больше, чем нам кажется, что нам придётся “расшифровывать” ещё много-много лет.

Не остаётся сомнений и в том, что фильм о народном “заступнике” наводил страх на “сильных мира идиотов” (выражение Шукшина). И сыграл бы Степана Разина, конечно, он сам. Опасался только за здоровье.

Интересно письмо Василия Белова Василию Шукшину по поводу будущего фильма о Степане Разине.

Привожу его полностью (ранее оно не было опубликовано):

“20 октября. Сарынь на кичку!

Вась, вот послал тебе один снимок. Дядька очень похож на моего Ивана Африкановича.

Штуку-то свою я доконал. Не знаю, чего вышло.

А тебе – дай Бог сил и того, этого, когда холодит под лопаткой. Сделай ты Степана. По-нашему.

Не Марксиста, а Степана.

А я уже вижу, как ты идёшь под секиру. Горький, сильный, проданный. Вижу, как сморкается перед смертью... Давай!

А я своего Болотникова загнал пока в самый дальний сердечный закоулочек. Чувствую – не готов. Надо покой душевный и независимость, но того и другого пока нет. Если разбогатею – всё брошу, начну Болотникова. Сделаю его – там и умирать легче.

Слушай, из чего хочешь делать сценарий? По Злобину, что ли? Или сам, всё своё? Наплюю на всех, ото всего отрекись. Сделай всё своё, сам ставь, сам играй. Да.

Если бы я стал делать что-нибудь в этом смысле, я бы наострил уши вот на что:

1. До того велика Русь, что мы ничего не думаем, ничего не жалко.

2. Для русского человека нет ничего тошнее чинного порядка, регламентации, **т<о> е<сть>** ему нужна. Это теперь-то нас приучили ходить колоннами, поставили по ранжиру, и всё, что не подходит под их мерку, назвали **анархизмом**.

Дальше. Не клонь на приманку национальной экзотики – это опасная для художника штука. Ведь национальное надо пахать из нутра, а не заниматься чесоткой.

Все мы изголодались по родному, по русскому (вон Салтыков в “Лес...” вопит). Но одних церквей, икон и... мало, надо **что-то большее**.

Извини за менторство. А в каком виде “Братья”?

Жду их с нетерпением.

Лиде сердечный поклон.

Не видел ли Ешина?

Что-то он молчит, не пишет.

Ради Бога, не бесись, не мяться в московской сутолоке, силы поберегай.

Когда настроение будет, черкни.

Твой Белов”.

Опять беспокойство за здоровье друга – **“силы поберегай”**.

Как ответ-согласие звучат и воспринимаются слова Шукшина: **“Силы, силы уходят...”**

В одном из интервью Алексей Ванин, актёр, земляк В. М. Шукшина, с которым они, познакомившись на фильме “Золотой эшелон”, прошагали вместе до последнего часа, высказал интересные, точные мысли. Именно он, земляк, несёт его на руках в “Калине красной”, после “неправдашной” смерти, он же поднимал друга и после настоящей, внезапной, ошеломившей всех смерти на Дону.

А сказал он примерно следующее. Главная причина смерти Шукшина – в Разине. Он хотел поставить фильм. Ничто не могло остановить его. Остановить могла только смерть – и она его остановила.

Часто в музее можно услышать вопрос-размышление: “Почему никто до сих пор не сделал фильм по сценарию В. М. Шукшина?”

Не так давно я услышала ещё один ответ-предположение одного из посетителей, вернее – посетительницы, занимавшей высокие посты в Беларуси, в том числе – в правительстве:

“Этот фильм сейчас делать нельзя. Недовольства жизнью у людей много. Это же будет бунт!”

В этом, пожалуй, есть большая доля правды.

А Шукшин о своём состоянии в последние годы жизни писал:

“Никогда, ни разу в своей жизни я не позволил себе пожить расслабленно, развалившись. Вечно напряжён и собран. И хорошо, и плохо. Хорошо –

не позволил сшибить себя; плохо – начинаю дёрнуться, сплю с зажатыми кулаками... Это может плохо кончиться, могу треснуть от напряжения”.

Это в рабочих записях. Там же находим такие слова:

“Ничего, болезнь не так уж и страшит: какое-то время можно будет ещё идти на карачках”.

“На карачках”, как мы знаем, Шукшину идти не довелось. Ушёл стремительно и безвозвратно...

Предчувствие скорого ухода из жизни преследовало, не покидало его. А в последние годы всё более обострялось. И тому подтверждением – опять слова самого В. М. Шукшина:

“Я – сын, я – брат, я – отец... Сердце мясом приросло к жизни. Тяжко, больно уходить”.

В этих словах – отсутствует всякое сомнение, звучит полная уверенность в неотвратимости своего ухода, даже как будто – необходимость его.

“И что же – смерть?”

А листья зелёные.

(И чернила зелёные).

“Когда стану умирать, – скажу: “Фу-у, гадство, устал!” Не надо умирать”.

Очень точно, на мой взгляд, определили ранний уход В. М. Шукшина из жизни как общенациональную потерю, утрату невозполнимую Василий Белов и Валентин Распутин: нехватка его с годами ощущается всё острее и острее.

“Нам не хватает Шукшина особенно сейчас”, – написал Белов.

Ему вторит Распутин: **“Нам сейчас очень не хватает Шукшина... как честного, никогда, ни при какой погоде не ломавшего голос художника, скроенного, составленного от начала до конца из одних болей, порывов, любви и таланта русского человека как сына России...”**

И ещё Распутин о Шукшине: **“Мало кому удавалось столь близко подступиться к человеческой душе, услышать её сдавленный, стонущий зов, как Шукшину... Как бы ни остерегались мы преувеличить значение художника такого масштаба, как Василий Шукшин, оно само сказывается в звучании имени и в том невольном отзвуке, какой рождает оно в наших сердцах.**

Если бы потребовалось явить портрет россиянина по духу и лику для какого-то свидетельствования на всемирном сходе, где только по одному человеку решили судить о характере народа, сколь многие сошлись бы, что таким человеком должен быть он – Шукшин”.

Эти слова В. Распутина созвучны отзывам в Книге посетителей музея В. М. Шукшина в Сростках:

“Совесть”, “Собиратель земли Русской”, “национальный Герой и Достояние” России.

А если говорить словами Шукшина, то “прожил ровно с песню”, а “длинных песен не бывает”.